

В 1949 г. капитан американских ВВС Эдвард А. Мерфи сформулировал закон, названный впоследствии его именем. В переводе на русский он выглядит примерно так: «Если какая-нибудь гадость может случиться, то она обязательно случится». Применительно к политике, как внутренней, так и международной, к этому закону можно добавить еще один: «Может произойти даже то, что, как все были уверены, никогда произойти не может». На открытие этого закона я никоим образом не претендую. Об этой закономерности писали Герман Кан, Николас Талеб и другие политологи и экономисты, убеждавшие своих коллег, впрочем, во многом безуспешно, в необходимости время от времени выходить за пределы стереотипных представлений об окружающем мире.

Украинский кризис, включая так называемую *гибридную войну* в Донбассе, и спровоцированное им острое противостояние России и Запада — типичные примеры реализации закона Мерфи в его наиболее пессимистичном варианте. Не далее как полгода тому назад они считались не только невозможными, но и невысказанными. Естественно, встает вопрос: какие еще неожиданности могут произойти в ближайшие годы? В большинстве своем прогнозы неутешительны. Журналисты, политологи и военные, например, всерьез рассматривают возможность повторения крымского сценария в Прибалтике, угрожающего столкновением российской армии с войсками стран — членов НАТО. Важно и другое. События в Украине и вокруг нее уже вызвали серьезные — склонные к банальностям политологи могли бы назвать их *тектоническими* — сдвиги в международных отношениях. Вопросы о том, насколько глубоки эти сдвиги и являются ли они необратимыми, остаются открытыми. Единственное, что можно сказать уверенно: если происходящие в последние месяцы перемены будут продолжаться, то глобальная система мировой политики перейдет в новое состояние, некоторые контуры которого сегодня намечались более или менее ясно.

РОССИЯ И ЗАПАД: ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ

Главной движущей силой становления новых международных отношений является неожиданное для многих, быстро прогрессирующее противостояние России и Запада, напоминающее в общих чертах развитие событий в первые годы после окончания Второй мировой войны. Трудно, например, избавиться от впечатления, что украинский кризис играет сегодня ту же роль, которую сыграл берлинский кризис 1948 г. в превращении Германии в главный очаг военной конфронтации в Европе. Умножаются свидетельства того, что события в Украине и вокруг нее стали своеобразным триггером, инициировавшим преобразование латентных тенденций, постепенно накапливавшихся в мировой политике, в открытую форму и придавшим им особую остроту.

Так, хотя известная мюнхенская речь президента В.В. Путина, произнесенная в феврале 2007 г., считается началом поворота российской внешней политики к противостоянию с Западом, вплоть до марта 2014 г. в Москве все же старалась поддерживать несколько хаотичный баланс между сотрудничеством с США, НАТО и ведущими государствами Европы и конфронтацией с ними. И лишь в начале 2014 г. Москва сознательно взяла курс не просто на эскалацию напряженности, но на разрушение мирового порядка, возникшего в начале 1990-х гг. Один из близких к Кремлю российских комментаторов Федор Лукьянов не скрывал, что «сейчас впервые за все это время (после 1991 г. — Ю. Ф.) речь идет не о локальных, пусть и крупных, интересах, а о месте в мировой иерархии. Россия играет на повышение ставок и не собирается идти на “деэскалацию” в одностороннем порядке, поскольку не считает ценностью (и даже устойчивой реальностью) статус-кво, который сложился после “холодной войны”»¹. В конечном итоге «игра на повышение ставок» и стала первопричиной нынешнего кризиса.

В Вашингтоне и европейских столицах, в свою очередь, не могли не видеть нарастания антизападных, в первую очередь антиамериканских тенденций в российской дипломатической риторике и практических действиях на мировой арене. Однако проявления этих тенденций часто воспринимались либо как пропагандистские и политические декларации, ориентированные прежде всего на внутреннее потребление, либо как попытки давления на западных партнеров с целью получения тех или иных тактических выгод.

При этом до самого последнего времени в США и Европе предполагали, что становление России в качестве хотя и авторитарной, но политически стабильной и экономически успешной региональной державы, происходившее в 2000-е гг., соответствует интересам Запада. Россия, виделась силой, предотвращающей вместе с Китаем распространение исламского радикализма в Центральной Азии, сдерживающей его на Ближнем Востоке, содействующей в урегулировании иранского ядерного кризиса и решении других актуальных проблем. Интересам Запада отвечало провозглашенное перемещение центра тяжести российской политики на восток. Это отвлекало внимание Москвы от Европы, а в относительно долгосрочной перспективе Россия, как, не исключено, надеялись в западных столицах, могла превратиться в противовес Китаю, *оттягивая* ресурсы Пекина от экспансии в южном направлении. В Европе, наконец, некоторое распространение получил взгляд на Россию как на фактор, ограничивающий глобальную роль США, что увеличивало бы возможности маневра европейских государств на мировой арене.

Одновременно достаточно широкое распространение в европейском и американском академическом и политическом истеблишментах, не говоря уже о деловых кругах, ведущих бизнес в России, получил тезис о том, что в усиливавшемся кризисе отношений с Москвой виноват сам Запад, игнорировавший, как они считали, национальные интересы России, прежде всего в постсоветском пространстве. Фактически предлагалось признать страны бывшего СССР сферой российского влияния, подобно тому как в 1945 г. такой зоной были признаны государства Центрально-Восточной и, частично, Южной Европы. Правда, сторонники этой точки зрения не учитывали и не учитывают до сих пор, что ялтинско-потсдамские договоренности не предотвратили холодной войны и ядерного противостояния на европейском континенте.

Присоединение Крыма вызвало пересмотр ключевых установок Запада в отношении России. Часто это объясняют бескомпромиссной геостратегической борьбой за Украину. Такое представление, как минимум, упрощает реальную ситуацию. До ноября 2013 г. украинская проблематика находилась на периферии внешнеполитических и экономических интересов США, Европейского союза и большинства европейских государств, за исключением, пожалуй, стран Вышеградской группы, прежде всего Польши, а также Швеции. Ни Европейский союз, ни тем более США не рассматривали всерьез Украину как поле геополитической экспансии. Хотя в 2008 г. руководители стран Альянса заявили о том, что в будущем Украина станет членом НАТО, никакие сроки названы не были. Последнее означало, что в обозримом будущем данный вопрос рассматриваться не будет. Да и весной 2014 г., несмотря на острую ситуацию вокруг Украины, министры иностранных дел стран — членов НАТО ограничились неопределенной формулой об интенсификации сотрудничества с ней «в рамках особого партнерства» и «осуществлении неотложных и долгосрочных мер с целью укрепления способности Украины обеспечивать собственную безопасность»². Иными словами, о приеме Украины в НАТО речь, по крайней мере в настоящее время, не идет.

Хотя ЕС был готов подписать соглашение с Украиной об ассоциации, причем на довольно жестких условиях, подготовка этого соглашения и, в целом, сближение с Европой были инициированы Киевом, а не Брюсселем. Готовя данное соглашение, последний шел навстречу тогдашней украинской элите, поддержанной в этом вопросе относительным большинством населения страны. Предполагалось, что если Украина сможет его выполнить, то ее экономика и политические институты будут постепенно модернизироваться, а это стимулирует экономическое раз-

витие и в конечном итоге обеспечит там социальную стабильность. Однако идти на принципиальные уступки Украине и, тем более, брать на себя сколько-нибудь серьезные расходы, связанные с ее *европеизацией*, в Европе не собирались.

После начала революционных выступлений и вплоть до падения режима Януковича США и, особенно, ЕС стремились предотвратить силовое подавление протестов в Киеве и найти политическое решение конфликта. Продолжение противостояния между режимом Януковича и протестующими, скорее всего, привело бы к выходу из-под контроля ситуации в западных и центральных областях, либо перерастающему в гражданскую войну, хаос и гуманитарную катастрофу, либо завершающемуся установлением жестокой пророссийской диктатуры, фактическим превращением страны в российский протекторат. Ни тот, ни другой вариант европейские государства устроить не мог. Соглашение 21 февраля 2014 г., казалось, создавало реальную возможность стабилизировать ситуацию в Украине, а затем сменить правящую верхушку к концу 2014 г. в результате президентских выборов. Опросы общественного мнения показывали, что шансов на переизбрания у Януковича нет. В то же время Партия регионов могла рассчитывать сохранить весомые позиции в будущей системе власти. Бегство Януковича опрокинуло эти расчеты. В последовавшие за этим три недели, до 16 марта 2014 г., западные политические элиты надеялись, что дело ограничится, в самом крайнем случае, превращением Крыма в очередное непризнанное государство.

Присоединение Крыма к России, концентрация российских войск на украинских границах и *гибридная война* в Донбассе поставили Запад перед необходимостью решить три задачи, само появление которых еще осенью 2013 г. казалось абсолютно невыполнимым. Первая — предотвращение российско-украинской войны и оккупации Россией юго-восточных областей Украины. Для США и Европы неприемлемо появление российских войск на границе с Молдовой, что, как предполагают на Западе, чревато вторжением в эту страну и образованием опасного очага противостояния российских войск и вооруженных сил стран — членов НАТО в стратегически важном районе Юго-Восточной Европы. Вторая — не допустить дальнейшей дестабилизации в Украине, грозящей гражданской войны. Последствия этого могут быть на порядок более тяжелыми, чем последствия балканских войн 1990-х гг. И наконец третья — выработать долгосрочную стратегию отношений с Россией, учитывающую новые политические и стратегические реалии, сложившиеся в зоне *между Россией и ЕС*.

Ни в Вашингтоне, ни в европейских столицах не хотели и не хотят новой холодной войны, не говоря уже о военном конфликте с Россией, способном перерасти в ядерное столкновение. Это отвлекает внимание и ресурсы от проблем, считающихся сейчас наиболее приоритетными: нейтрализации растущего влияния Китая в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР), о чем в первую очередь заботятся в Вашингтоне; экономических и финансовых трудностей в Европе, иранского ядерного кризиса и так далее.

Но это лишь одна сторона дела. Ни в США, ни в Европе не могут игнорировать того, что международный порядок, сложившийся после окончания холодной войны в восточной половине европейского континента, сломан. Ускоренными темпами происходит милитаризация Крыма. Там планируется разместить одну-две бригады ВДВ, две-три мотострелковых бригады и одну танковую, несколько бригад морской пехоты и бригаду береговой обороны; также будет значительно усилен Черноморский флот³. Еще важнее, что на полуострове будут развернуты дополнительные силы ударной авиации и полк бомбардировщиков Ту-22М3, которые создавались как средство ограниченной ядерной войны в Европе⁴. Это означает, что уже в обозримой перспективе баланс военных сил в Черноморском бассейне заметно изменится в пользу России.

Но главная озабоченность западных элит связана не столько с украинским кризисом, сколько с опасениями того, что, *во-первых*, политика Москвы на мировой арене приобретает иррациональный и непредсказуемый характер, а *во-вторых*,

Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы: Состояние безопасности в мире резко снизилось. Неблагоприятным фактором для безопасности Ближнего Востока стала потеря доверия к США со стороны монархий Залива в связи с намерением администрации президента Барака Обамы за их счет наладить отношения с Ираном.

Победа на выборах в Египте Абделя Фаттаха **ас-Сиси** означает, что страна возвращается к естественной для нее с начала 1950-х гг. системе правления военных. Отношения с Саудовской Аравией у нового правительства Египта союзнические, с другими монархиями Залива (кроме Катар) и Израилем — партнерские, с Катаром — враждебные, с Турцией, Суданом, Ливией — напряженные. Отношения с США и Евросоюзом будут более дистанцированными, чем при Хосни **Мубараке**, с Россией — более тесными. Любые протестные выступления и попытки исламистов войти во власть будут подавляться силой — более жестко, чем при Мубараке.

Башар **Асад** будет переизбран на президентских выборах в Сирии. Внешняя интервенция после выборов не исключена, но обойдется ее организаторам достаточно дорого. Задача организации такой интервенции встанет перед Саудовской Аравией, Катаром и Турцией. Позиция Запада будет зависеть от возможных потерь. Военно-политическую поддержку Асаду окажет Иран, внешнеполитическую в ООН — Россия и Китай.

Иран и *шестерка* международных посредников на последних переговорах в Вене не смогли согласовать текст всеобъемлющего соглашения по иранской ядерной проблеме. Соглашение может быть достигнуто, если подписывающие его стороны готовы закрыть глаза на то, что оно не будет выполняться, либо Запад пойдет на все условия Ирана. Иран никогда не откажется от своей ядерной программы. Надеяться на это бессмысленно и непрофессионально.

В Афганистане состоялись президентские выборы. Независимо от того, кто станет следующим главой страны коррупция, наркопроизводство, засилье талибов останутся на том же уровне, что были и при Хамиде Карзае. Вывод войск США из страны позволит талибам значительно укрепиться на пуштунских территориях под патронажем Пакистана.

В хазарейских регионах по-прежнему будет сильно влияние Ирана. На севере в приграничных районах — влияние Узбекистана и Туркменистана, среди узбеков и туркмен соответственно.

эпицентр нарастающего противостояния, которое может приобрести силовой характер, находится в Европе. Сама по себе судьба Крыма, Донбасса и двух-трех других территорий на юго-востоке Украины, за исключением Одесской и Николаевской областей, контролирующих подступы к Молдове и Румынии, не имеет большого значения для США и европейских государств. Важно другое. Присоединение Крыма, размышляют на Западе, чревато для России серьезными экономическими издержками, международной изоляцией, формальными и, главное, неформальными санкциями. Сведена к нулю перспектива присоединения Украины к Таможенному союзу и, в дальнейшем, к Евразийскому экономическому союзу. Более

того, из дружественного России государства Украина, в каких бы границах она в конечном итоге не осталась, превратилась в государство враждебное, ищущее защиты от российской угрозы в военном союзе с США или в членстве в НАТО. Эти негативные, с точки зрения ключевых экономических и стратегических интересов России, последствия присоединения Крыма никак не могут быть, по мнению западных политиков и аналитиков, компенсированы превращением этого полуострова в *непотопляемый авианосец*.

Не выглядит убедительным широко распространенное представление, что политика России в Украине обусловлена стремлением упрочить позитивный образ президента В. Путина в российском общественном мнении. Повышение его рейтинга в результате включения Крыма в состав России вряд ли могло быть изначальной целью этой акции.

Во-первых, несмотря на некоторое снижение рейтинга российского президента в 2013 г. политическое положение в России было вполне стабильным. Протестные выступления в Москве, подъем которых приходился на конец 2011 — осень 2012 г. практически сошли на нет. Демократическая оппозиция дезорганизована, а возникающие время от времени вспышки недовольства властями и беспорядки на этнической почве были локализованы.

Во-вторых, если бы в Москве рассчитывали мобилизовать общественное мнение в пользу президента Путина путем присоединения Крыма, имело бы смысл предпринять это в непосредственной близости к следующим президентским выборам в 2018 г. Помимо всего прочего подъем общественной поддержки власти путем тех или иных внешнеполитических акций, как показывает исторический опыт, обычно длится недолго и через некоторое время может смениться ростом недовольства.

Такие соображения подталкивают западные элиты к неутешительным выводам: политика России в Украине и на западном направлении в целом определяется либо субъективным фактором, то есть импульсивной и сугубо эмоциональной реакцией правящих кругов на те или иные события, происходящие на международной арене, либо представляет собой реализацию предельно идеологизированной внешнеполитической доктрины, получившей название *собрание русского мира*, то есть присоединения к России территорий, в населении которых

Нандан Унникришнан (Индия) — директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник Исследовательского фонда *Obsever* — по телефону из Нью-Дели: В Индии на парламентских выборах победу одержала националистическая *Бхаратия Джаната парти*. Позитивным стало то, что националисты получили абсолютное большинство мест в парламенте. Ожидается, что новое правительство будет стабильнее предыдущих. Правительства, находящиеся у власти последние десять лет, были в основном коалиционные. Часто даже вопросы международной политики решались не правительством в целом, а отдельными коалиционными партиями и партнерами. Например, в развитии отношений Индии с Бангладеш, со Шри-Ланкой большую роль играли определенные партии индийских штатов, которые были больше связаны с соседними странами.

Повестка нового премьера Нарендры **Моди** в делах внутренней политики обещает быть весьма насыщенной. Акцент на внутренние проблемы вовсе не означает, что международные вопросы будут вынесены на второй план. Скорее, внешняя политика Индии будет определяться тем, какие решения новое руководство страны примет по внутренним делам. Это прежде всего проблемы экономики и социальной сферы.

Дайан Джаятеллека (Шри-Ланка), посол, профессор, университет Коломбо — по электронной почте из Коломбо: Переходный период и период неопределенности в выборный период в самой большой демократии мира — в Индии — будет определять состояние безопасности в Южной Азии. В странах региона уже имеют место спекуляции по поводу новой стратегической линии и политики безопасности *Бхаратия джаната парти*. Несмотря на то что партия более десяти лет назад уже была у власти, нынешнее руководство идеологически более четко ориентировано на националистический курс. Отсюда точно определить, на что будет сделан акцент во внешней и стратегической политике партии весьма непросто. Такое замешательство провоцирует разные толки о том, как будут складываться отношения между ядерными державами — Индией и Пакистаном.

Стремление международных акторов чаще обращаться к дипломатии по ситуации в Сирии и Иране, дипломатические усилия США вокруг израильско-палестинского конфликта — все это оказало позитивное влияние на глобальную безопасность. Вместе с тем трения между Израилем и миротворческой миссией Джона Керри вкупе с нерешительной позицией американцев в целом на переговорах по Сирии *Женева-2* оказали негативное влияние на безопасность.

имеется некоторая, непонятно какая, доля этнических русских, а в более длительной перспективе — восстановления Советского Союза. Следовательно, не могут не размышлять на Западе, украинские события могут быть повторены, в Молдове, Казахстане и Прибалтике, порождая в последнем случае вооруженный конфликт между Россией и НАТО. Особую остроту этим опасениям придает ядерный фактор. Россия начинает восприниматься не просто как очередная страна, бросившая вызов евроатлантической цивилизации, но как противник, способный инициировать ядерный конфликт.

Вместе с тем нынешней ситуации в отношениях России и Запада во многом отличается от положения дел в 1960–1980-х гг. После карибского и берлинского кризисов начала 1960-х гг. и Запад, и Восток исходили из того, что вооруженное противоборство между ними — примеры тому войны и конфликты во Вьетнаме, Афганистане, Африке и Центральной Америке — должно ограничиваться зоной *третьего мира*, тогда как в Европе необходимо делать все возможное, чтобы избежать эскалации напряженности, предотвращая тем самым третью мировую войну. Но сегодня очаг напряженности находится именно на европейском континенте, что усиливает озабоченность в правящих кругах стран Запада и стимулирует разработку мер, направленных на сдерживание и даже отбрасывание России, если пользоваться терминологией американских доктрин начала 1950-х гг.

Объявленные к настоящему моменту санкции США и ЕС часто трактуют как неэффективные. Действительно, так называемые персональные санкции никакого ощутимого эффекта на российскую экономику и политику не оказали. «Сами политики воспринимают попадание в санкционный список, — заметил недавно Сергей Алексашенко, — как высочайшую правительственную награду, а их ближайшие родственники, которые и на Западе живут (или ездят туда постоянно), и активами на Западе владеют, под санкции не попали»⁵. В ближайшие два-три года европейские государства вряд ли смогут заметно снизить зависимость от поставок российского газа. Останется высокой доля России на мировом рынке нефти. Более чувствительными могут оказаться не прямые или, как их иногда называют, неформальные санкции, в результате которых у российских компаний и банков уже воз-

никли серьезные трудности при получении кредитов в западных банках. По разным оценкам, в этом году российские предприятия и финансовые структуры должны выплатить иностранным кредиторам от 70 до 100 млрд долларов для погашения и обслуживания долга. Наконец обострение ситуации вокруг России подталкивает российских инвесторов вкладывать средства в зарубежные активы.

Однако главное в другом. Наиболее болезненным для России уже в ближайшие годы может оказаться изоляция от высокотехнологичного сектора мировой экономики. Во все более широких масштабах вводится запрет на поставки продукции военного и двойного назначения. Так, в марте 2014 г. США прекратили выдачу соответствующих лицензий, свертывают российско-американские проекты в области естественных наук, в том числе не имеющие прямого военного значения. В апреле 2014 г. немецкое правительство запретило продажу России спутников, оснащенных радарными с синтезированной апертурой, и заморозило другие контракты на поставку военного снаряжения. А становящийся все более реальным запрет на передачу промышленного оборудования, необходимого для производства современных и, особенно, перспективных вооружений, сорвет нынешнюю программу перевооружения российских вооруженных сил и обусловит их необратимое технологическое отставание не только от США и НАТО, но и от Китая.

Нельзя исключать, разумеется, что нынешнее противостояние Запада и России еще не приняло необратимого характера: для первого оно является вынужденным, для второй чревато тяжелыми последствиями. Но для того, чтобы остановить процессы, начавшиеся в отношениях Москвы с западными государствами, необходимо не просто вернуться к *status quo ante bellum*, но выработать надежные материальные гарантии того, что события начала 2014 г. не повторятся. Такими гарантиями могло бы стать, например, создание демилитаризованных зон вдоль границ России, охватывающих как пограничные российские области, так и соответствующие районы сопредельных государств. Однако для российской дипломатии такого рода меры пока вряд ли приемлемы.

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского Центра Залива — по электронной почте из Дубая: Изменчивость и неопределенность характеризовали состояние безопасности весной 2014 г. В регионе Залива не произошло позитивного изменения ни по одному вопросу, угрожающему состоянию безопасности. Это характерно для ситуации в Сирии, внутренней ситуации в Египте, Ливии, Ливане, а также применимо к развитию отношений между Ираном и его арабскими соседями по региону Залива. Обострилась ситуация в Ираке и Йемене в связи с участвовавшими в этих странах бомбардировками, убийствами и насилием, которые происходят здесь ежедневно. На всех направлениях индикаторы указывают, что ситуация будет подвержена дальнейшей нестабильности, и не будет направлена в сторону потенциального разрешения кризисов.

Координация действий США, Саудовской Аравии и других стран по вопросам вооружения сирийской оппозиции в числе событий, способных усилить давление на правительство Башара Асада. Несмотря на усиление такого давления на сирийское правительство, предсказать окончание конфликта в стране весьма сложно.

Не думаю, что летом 2014 г. произойдут существенные изменения в сфере безопасности. Фактически изменения в сторону ухудшения ситуации на данном этапе развития международной ситуации более вероятны, чем возможное снижение напряженности.

КОНТУРЫ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

После начала украинского кризиса, моментально переросшего в кризис международного порядка, охвативший значительную часть европейского континента, события на мировой арене развиваются настолько стремительно, что правящие элиты, не говоря уже об общественном мнении, просто не способны адекватно адаптироваться к происходящим переменам. Поэтому пока невозможно в сколько-нибудь полной мере оценить глобальные и даже региональные последствия событий в Украине и вокруг нее. И все же к лету 2014 г. некоторые контуры будущей мировой политической системы постепенно проявляются.

Формируется новая иерархия международных проблем. Наряду с украинским кризисом в число наиболее острых и важных из них вошли отношения России с США, НАТО и европейскими государствами. На второй план отошли проблемы Ближнего и Среднего Востока, который еще пару лет тому назад считался чуть ли не ключевым эпицентром мировой политики. Сегодня, например, уже мало кого волнует, как будут звать будущего диктатора Сирии или какая именно группировка террористов придет к власти в Палестинской автономии. В этом регионе сохраняет прежнее значение, по-видимому, только иранский ядерный кризис — его урегулирование, если оно произойдет, откроет возможность массивных инвестиций в иранскую нефтедобывающую промышленность и, соответственно, крупномасштабного реформирования глобального нефтяного рынка, в том числе снижение нефтяных цен. Потеряли актуальность вопросы контроля над ядерными вооружениями, противоракетной обороны, космических вооружений и так далее. В нынешней напряженной обстановке переговоры по этим проблемам, даже если они начнутся, не приведут ни к какому результату.

Украинский кризис высветил растущее несоответствие институциональных механизмов обеспечения международной безопасности процессам, происходящим в мировой политике. В частности в очередной раз выявилась неэффективность ООН, устав которой нередко именуют *краеугольным камнем* и даже *фундаментом* прочного мира. Действительность, к сожалению, не имеет ничего общего с такого рода патетическими декларациями. Многократные обсуждения украинской проблематики на заседаниях Совета Безопасности оказались безрезультатными, а принятая 27 марта 2014 г. резолюция Генеральной Ассамблеи A/Res/68/262, посвященная территориальной целостности Украины, обязательной силы, как известно, не имеет. Столь же беспомощной оказалась Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Выработанная ОБСЕ *дорожная карта* урегулирования ситуации в Украине, включающая проведение президентских выборов 25 мая 2014 г. и параллельно с ними общенационального референдума по вопросу децентрализации, широкий национальный диалог и круглые столы в регионах, а также подтверждение приверженности мерам, согласованным в Женевском заявлении, сама по себе, вероятно, полезна. Но ОБСЕ не имеет в своем распоряжении механизмов, способных обеспечить выполнение принятых ею решений, которые в результате являются не более чем рекомендациями. Их выполнение зависит от того, в какой мере они соответствуют интересам вовлеченных в тот или иной конфликт государств.

Преодоление кризиса ООН и превращение ОБСЕ в сколько-нибудь эффективный механизм поддержания безопасности на европейском континенте требуют существенного обновления принципов их функционирования в соответствии с мировыми реалиями начала XXI в. Особое значение имел бы отказ от права вето пяти постоянных членов Совета безопасности и принципа консенсуса при принятии решений ОБСЕ, которые, по сути дела, парализуют их деятельность. Однако оснований ожидать этого нет. Несмотря на усиливающуюся глобализацию, государства, особенно крупные, никоим образом не заинтересованы в ограничении свободы своей внешнеполитической деятельности, что было бы неизбежным следствием повышения роли и значения международных институтов в мировой политике. Это предопределяет бесперспективность попыток реформирования ООН, включающих отказ от принципа единства постоянных членов Совета Безопасности или,

например, усиление полномочий Генеральной Ассамблеи в случае, если работа Совета Безопасности оказывается заблокированной.

События на Украине и вокруг нее вызвали также структурные перемены в системе международных отношений. Противостояние России и государств — членов НАТО резко повысило геостратегическое значение пространства, в котором сосредоточено их геополитическое взаимодействие и которое широкой полосой протянулось от Балтийского до Черного моря. В нем, в свою очередь, сформировались две зоны, причем каждая из них становится средоточием интересов и противоречий входящих в нее и окружающих государств. Первая включает Прибалтийские государства, Польшу, Белоруссию и прилегающие области России, вторая — Крым, юго-западные области Украины, Молдову, Румынию, частично Венгрию и Словакию, а также северо-западную часть Черного моря. В случае дальнейшего обострения напряженности между Россией и НАТО именно в этих двух зонах могут произойти столкновения их вооруженных сил. После разрушения Договора об обычных вооруженных силах в Европе отсутствуют какие-либо механизмы, регулирующие баланс военных потенциалов России и соседних с ней государств, причем войска западного и южного российских военных округов заведомо превосходят по численности и мощи силы Прибалтийских государств или Румынии. В итоге практически неизбежно размещение более или менее значимых контингентов вооруженных сил США и ряда других стран — членов НАТО в Прибалтике и Румынии, а также усиление их военно-морского присутствия в Черном море. Будут также отрабатываться механизмы быстрой переброски девяти американских, британских и немецких дивизий в Польшу и Прибалтийские государства в рамках оперативного плана *Eagle guardian*.

Украинский кризис вносит заметные корректировки в роль и место Китая в мировом стратегическом контексте. Внешне по украинской проблеме Китай занял подчеркнуто нейтральную и обтекаемую позицию, подчеркивая необходимость политического решения конфликта на Украине, отказа от применения силы и одновременно осуждения санкций, с чьей бы стороны они не применялись. В Москве китайскую позицию обычно интерпретировали, хотя и без особых на то оснований,

Халил Каравели (Турция–Швеция), руководитель проекта по Турции института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма: В Турции результаты муниципальных выборов продемонстрировали, что избиратели больше ценят достигнутые результаты экономического развития и реформы, ведущие к улучшению благосостояния нации. Автором этих реформ является *Партия справедливости и развития*. Даже обвинения партии и ближайшего окружения Тайипа Эрдогана в финансовых махинациях имели весьма ограниченное воздействие на электорат. В ходе предвыборной кампании сторонники богослова-оппозиционера Фетуллаха Гулена оказались слабее. Но это не означает, что брошенный власти вызов пройдет бесследно. Конфронтация между партией Эрдогана и сторонниками Гулена продолжит определять политику Турции.

Переговоры международных посредников с Ираном по ядерной программе страны — это позитивное событие для региона. Но Саудовская Аравия считает, что сближение США с Ираном представляет серьезную угрозу. Переговоры с Ираном могут стать спусковым механизмом для действий саудитов по срыву мирного процесса. Отсюда то, что кажется позитивным событием, при объективной оценке может привести в движение процессы, способствующие противоположному эффекту для региональной безопасности.

как поддержку России. «В доказательство, — писал по этому поводу российский военный эксперт Александр Храмчихин, — приводилась история о том, как представитель Китая в СБ ООН во время голосования по «крымской» резолюции воздержался, при этом улыбнулся. Так и осталось неясным, почему «воздержание» приравнивается к поддержке и почему мы должны умиляться улыбке китайского дипломата»⁶.

Такая оценка подтверждается документами, принятыми во время визита президента Путина в Китай 20–21 мая 2014 г. В Совместном заявлении руководителей России и Китая говорится что «стороны выражают серьезную озабоченность в связи с продолжающимся внутривосточным кризисом на Украине. ... Призывают к деэскалации конфликта в этой стране, проявлению сдержанности, поиску мирных политических путей решения имеющихся проблем. ... Призывают все регионы и общественно-политические группы Украины вступить в широкий национальный диалог, совместно разработать концепцию дальнейшего конституционного развития государства, предусматривающую полное соблюдение общепризнанных прав и свобод граждан»⁷. В другой части этого документа подчеркивается необходимость «противостоять вмешательству во внутренние дела других государств, отказаться от языка односторонних санкций, от организации, помощи, финансирования или поощрения деятельности, направленной на изменение конституционного строя другого государства или его вовлечение в какое-либо многостороннее объединение или союз»⁸. В этих формулах единственный намек на поддержку России можно найти в требовании отказа от односторонних санкций. Однако осуждение вмешательства во внутренние дела, финансирования и поощрения деятельности, направленной на изменение конституционного строя другого государства, скорее относится к поддержке со стороны Москвы террористических пророссийских группировок в Донбассе, а под изменение конституционного строя вполне попадает присоединение Крыма к России и требование федерализации Украины.

Нейтральную позицию Китая объясняют чаще всего сочетанием трех факторов. Первый — негативное отношение Пекина к любым нарушениям территориальной целостности и внешнему вмешательству во внутренние дела, имея в виду ситуацию в Синьцзяне и Тибете, где существуют этническая напряженность и сепаратистские движения. Второй — опасение, что поражение России в противостоянии с Западом означало бы удар по стратегическим интересам Китая. Третий — конфронтация с США и НАТО вынуждает Москву идти на крупные уступки Пекину по экономическим и стратегическим вопросам. В качестве примера часто приводят сотрудничество России с Китаем в производстве тяжелых вертолетов МИ-26, весьма важных для быстрой переброски десантных частей и соединений, а также допуск китайских компаний в ключевые российские проекты освоения углеводородных месторождений. Эти обстоятельства действительно имеют место, но главное, думается, в другом. Конфронтация России и Запада позволяет Китаю играть роль арбитра в отношениях между ними, укрепляя собственную роль в мировой политике. Кроме того, эта конфронтация отвлекает американские ресурсы от Азиатско-Тихоокеанского региона, а российские — от Дальнего Востока и Сибири, облегчая китайскую экспансию как в северном, так и в южном направлениях. Гораздо реже упоминается еще одно обстоятельство, которое на деле может оказаться достаточно важным. Некоторые украинские наблюдатели не исключают, что «США имеют стратегические договоренности с Китаем относительно долгосрочной судьбы Сибири и Дальнего Востока, и изоляция России на Западе — осмысленный ход, который заставит Россию стать зависимой от Китая»⁹. Иными словами, в результате украинского кризиса США могут содействовать Китаю в осуществлении его претензий на российские восточные территории. В этом есть своя логика: если китайская экспансия будет канализирована на север, давление Китая в южном направлении будет значительно ослаблено.

УКРАИНСКИЕ СЦЕНАРИИ

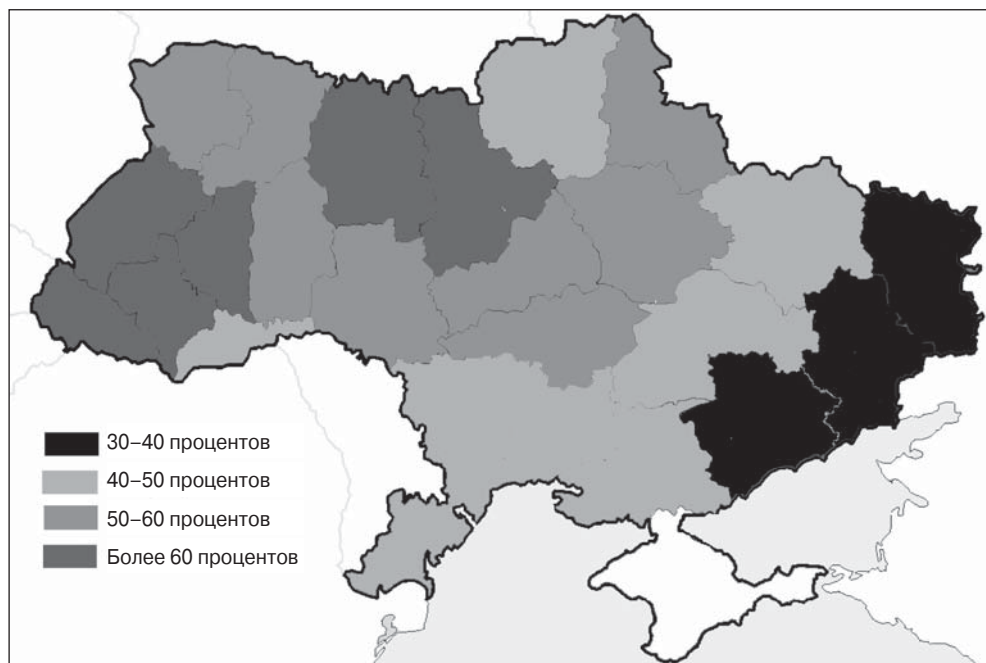
Убедительная победа Петра Порошенко, за которого в первом туре президентских выборов в Украине проголосовали 54% избирателей, свидетельствует о трех принципиально важных обстоятельствах.

Первое — расхождения между двумя культурными ареалами Украины: западными и центральными регионами, с одной стороны, и юго-востоком, с другой, оказались не столь значительными, как это многим виделось ранее. Новый украинский президент получил поддержку во всей стране, опередив всех соперников во всех областях Украины, в том числе в Донбассе, который является оплотом советско-традиционалистических и пророссийских сил. Показательно, что в остальных юго-восточных областях, где процесс выборов проходил без серьезных нарушений за Порошенко проголосовали от 40 до 50% избирателей.

Второе — подавляющее большинство голосов, в сумме около 80%, получили сторонники европейского выбора — Порошенко, Тимошенко, Ляшко и Гриценко, тогда как за политиков, обоснованно или нет ассоциирующихся в общественном мнении Украины с пророссийской ориентацией — Тигипко, Добкин и Симоненко, проголосовали менее 10% голосов. *Третье*, наконец, полный провал политических деятелей, имеющих репутацию националистов экстремистского толка: Тягнибока поддержали чуть более 1% избирателей, а лидера Правого сектора Яроша и того меньше. Это позволяет надеяться на постепенный выход страны из острейшего политического, а впоследствии экономического кризиса. Вместе с тем победа Порошенко — лишь первый и, не исключено, самый легкий шаг в этом направлении.

Список труднейших проблем, которые предстоит решить украинской власти и украинскому обществу, весьма внушителен. К наиболее важным и сложным относятся предотвращение дальнейшего падения экономики и ее стабилизация, урегули-

Рисунок 1. Процент голосов, полученных П. Порошенко 25 мая 2014 г. (по данным ЦИК Украины, подсчитано 92% бюллетеней)¹⁰

рование газового конфликта с Россией; укрепление бюрократического аппарата и его очищение от коррумпированных элементов, создание эффективных и лояльных новому руководству страны вооруженных сил и правоохранительных органов, обеспечение правопорядка и разоружение разного рода парамилитарных отрядов и группировок, децентрализация системы управления, под которой имеется в виду передача части полномочий нынешней центральной власти в на областной и городской уровни. Наконец найти ответ на вопрос о том, что делать с Донбасом, где исключительно сильны настроения то ли в пользу независимости, то ли в пользу объединения с Россией, где действуют террористические группировки и фактически отсутствует более или менее структурированная власть. Предстоит выработать и принять новую конституцию страны и провести парламентские выборы. К моменту написания этого обзора ответов на вопросы о том, как решать все эти проблемы, не было. Это предопределяет высокий уровень неопределенности относительно развития событий в Украине в ближайшие год-два. Тем не менее некоторые моменты относительно понятны.

Прежде всего на Украине будет принята новая конституция, предполагающая серьезное ограничение полномочий президента и, соответственно, усиление роли парламента. Согласно ставшему известным проекту нового основного закона страны (правда, этот документ официально не вынесен на официальное обсуждение) парламенту будет проще досрочно прекращать полномочия президента. Последний будет назначать весь состав Кабинета министров, в том числе министров иностранных дел и обороны, кандидатуры которых сегодня представляются президентом; а также принимать решения об использовании вооруженных сил. Правительство будет ответственно только перед парламентом и лишь подотчетно президенту. Органами исполнительной власти будут, как предлагается, исполкомы местных советов, главы которых избираются из числа депутатов. Вместо нынешних государственных администраций вводятся подчиненные президенту «государственные представительства», надзирающие за исполнением законов и координирующие деятельность территориальных органов исполнительной власти. Иными словами, у президента компенсируют на местах то, что у него отобрали в центре¹¹.

Это, однако, не означает, что в случае принятия такого рода конституции Порошенко превратится в церемониальную фигуру. В его распоряжении имеется сильная политическая партия — *Солидарность*, позиции которой в 2014 г. кардинально упрочились.

Таблица 1. Динамика рейтинга основных политических партий Украины, январь–май 2014 г. (% голосов, полученных партией, если бы выборы проходили в ближайшее воскресенье)¹²

Название партии	2014						
	31/I	3/II	13/II	5/III	26/III	6/IV	6/V
<i>Партия регионов</i>	21	19	22	9	10	6	3
<i>Батькивщина</i>	14	11	16	15	15	16	13
<i>УДАР</i>	16	15	17	15	11	12	8
<i>Солидарность</i>	6	5	7	13	15	11	22
<i>КПУ</i>	5	5	4	5	5	4	5
<i>Свобода</i>	4	4	4	4	3	5	4
<i>Правый сектор</i>	0	0	0	0	2	1	1
<i>Сильная Украина</i>	0	0	0	0	0	0	5

По данным опросов, проведенных в начале мая 2014 г., если бы парламентские выборы проводились в это время, *Солидарность* могла бы получить 90 мест в Верховной Раде. Однако сроки будущих парламентских выборов пока не определены и являются предметом острых споров в политических кругах Украины. Ключевую роль в этих спорах играет вопрос о политическом представительстве той части населения юго-восточных регионов, поскольку *Партия регионов* фактически распалась, а партия *Сильная Украина* во главе с Сергеем Тигипко, основная избирательная база которой находится на юго-востоке, пока не пользуется серьезной поддержкой населения этих регионов. В этой ситуации политические силы, находящиеся после краха режима Януковича на подъеме, заинтересованы в скорейших парламентских выборах, тогда как их соперники, претендующие на голоса избирателей юга и востока страны, стремятся максимально оттянуть их, рассчитывая со временем упрочить свои политические и электоральные позиции.

Принятие новой конституции и проведение парламентских выборов должно завершить реконструкцию политической системы в Украине. Но это, однако, не гарантирует, что силы, приходящие сегодня к власти в стране, смогут решить остальные политические и социальные проблемы. В итоге дальнейшее развитие событий в Украине может пойти как по относительно оптимистическому сценарию, напоминающему в общих чертах эволюцию посткоммунистической системы в Польше, так и по пессимистическому, завершающемуся распадом страны. Во многом фактором, определяющим по какому пути в ближайшие годы пойдет Украина, будет ситуация в Донецкой и Луганской областях.

Возможность политического урегулирования острого внутреннего конфликта в этих регионах невелика. Силовым путем можно разгромить террористические группировки, ядро которых составляют праворадикальные экстремисты и авантюристы, проникающие на территорию Украины из России, местный мелкий криминалитет и иные маргинальные элементы. Такого рода формирования могут быть подавлены силовым путем в случае оздоровления украинских вооруженных сил. Однако эти группировки пользуются значительной поддержкой достаточно широких люмпенизированных слоев, находящихся под влиянием ожесточенной российской пропаганды. Фактически отсутствуют влиятельные местные лидеры умеренного толка, имеющие авторитет в такого рода социальных средах. С учетом этого трудно надеяться на успех переговоров или диалога с этими регионами, способного привести к разумным компромиссным решениям. В этой связи получает распространение точка зрения, предполагающая, что для Украины было бы во многих отношениях выгодно пойти навстречу донецким и луганским сепаратистам и предоставить этим регионам возможность перейти в состав России. Развернутая и, как представляется, вполне рациональная аргументация в пользу такого решения проблемы принадлежит российскому экономисту Владиславу Иноземцеву.

Суть его размышлений в том, чтобы «объявить суверенитет Украины над Крымом и восточными областями страны утраченным. Установить границу между Украиной и новообразованными «народными республиками», временно запретив въезд граждан из этих регионов на Украину. Прекратить взимание там налогов и выплату пенсий, пособий и дотаций, эвакуировать те подразделения вооруженных сил и силовых структур, которые сохраняют верность Киеву»¹³. В результате:

- ❑ проблема *многонационального характера* страны исчезнет: доля русского населения сократится с 17,4% на начало 2014 г. до менее чем 11,5%. *Стремление к России и регионализация снимутся с повестки дня;*
- ❑ объем дотаций, выделяемых региональным бюджетам, сократится на 45%. Будут также высвобождены более 2,3 млрд долларов дотаций угольной отрасли, а объем потребляемого Украиной газа сократится на 9,8 млрд м³ в год, или почти на 20%;

- Украина станет намного более *проевропейской* страной — как ввиду большей национально-культурной монолитности, так и в связи с очевидной связкой в общественном мнении отделения восточных регионов с влиянием России на этот процесс.

«Крым и Донбасс, — подчеркивает автор этой концепции, — потеряны для Украины — это сегодня стоит признать как данность. Но неудачно проведенное сражение — еще не проигранная война. Брестский мир, заключенный большевиками в 1918 г., казался катастрофическим с точки зрения масштабов потерянных территорий — но через три года Красная армия уже подходила к Варшаве»¹⁴.

Размышления Владислава Иноземцева могут многим, как России, так и в Украине, показаться ненаучной фантастикой. Однако еще более фантастичными представлялись предвидения относительно распада СССР. Считались совершенно не возможными террористическая атака 9 сентября 2001 г. и многие другие события, ставшие поворотными моментами в истории прошлого и начале нынешнего века. И в свете этого главный урок украинского кризиса, пожалуй, состоит в необходимости не только учитывать в политическом планировании варианты, кажущиеся совершенно невозможными, говоря словами Германа Кана, «мыслить о немыслимом», но и конструировать столь же неожиданные и парадоксальные решения возникающих проблем и вызовов.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: НОВЫЙ МИР: МЕСТО И ВРЕМЯ РОЖДЕНИЯ НЕИЗВЕСТНО. ЕЩЕ НЕИЗВЕСТНО

Некоторые говорят, что новый мир рождается на востоке Украины. Вряд ли это так. Там как раз завершается век XX. Заканчивается распад Советского Союза, хотя, конечно, украинские плодородные почвы привносят странную и пугающую специфику. Все-таки выясняется, что попытка искусственно сохранять на просторах постсоветского пространства комфортные, но искусственные реальности себя не оправдала. Скажем прямо: современная Украина была продуктом коллективного творчества и США, и Европы, и Германии, которая действовала отдельно от Европы, да и России именно потому, что это была относительно комфортная для всех реальность. И существовала — подчеркнем, существовала, но не развивалась — Украина преимущественно за счет прямого и косвенного внешнего финансирования. Законы истории не удалось обмануть и в этом случае.

Интересно, но промелькнувшая в СМИ и приписываемая в прошлом гэдээровской пионерке Ангеле Меркель фраза о том, что В. В. Путин живет в *другом мире*, не лишена смысла. Российский президент действительно живет в XXI веке, тогда как большинство лидеров крупнейших стран мира *зависли* между XX и XXI веками, так до конца и не осознав того, что из себя представляет новая эпоха. Исключение составляют США, которые придумали для себя собственный мир и пытаются там жить, совершенно не обращая внимание на то, что происходит вокруг них.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ НАКАНУНЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТРЯСЕНИЙ

Попробуем вкратце обозначить черты, которые характеризуют современную ситуацию в международных отношениях со стратегической точки зрения:

- Хельсинская система 1973 г., дополненная в Париже в 1990-м г. окончательно перестала существовать не только на уровне реальной политики, но даже как формальный политический инструмент. Справедливости ради надо сказать, что данная система уже давно находилась в политической коме, однако ее похороны открывают нашему взору колоссальный концептуальный геополитический вакуум в том, что касается принципов